

Час Чэнь.

Евнух Чжоу, как и вчера, ровно в положенное время пришел в Зал Внутренних Боевых Искусств и, по обыкновению, велел маленьким евнухам несколько раз прочитать вслух Канон Лотоса.

Закончив, он отпустил всех заниматься самообучением, но с собой забрал лишь своего крестника Сяо Гуйцзы, чтобы дать ему частный урок.

Ли Пинъань почувствовал укол недовольства и зависти. Он не сдержался и проворчал:

— Евнух Сюй, хоть и дерется больно, но учит правилам обстоятельно. Почему же евнух Чжоу преподает нэйгун так... небрежно?

Он хотел было сказать «спустя рукава», но, вспомнив пронзительный, словно у ястреба, взгляд евнуха Чжоу, вовремя прикусил язык.

Сяо Жунцзы покосился на него и насмешливо фыркнул:

— А как, по-твоему, он должен учить?

Ли Пинъань нахмурился:

— По крайней мере, стоило бы объяснить, что такое «умиротворение», где проходят меридианы Жэнь-май, что такое точка Юйчжэнь... Я же совершенно ничего не смыслю, как мне практиковать внутреннюю энергию?

Сяо Жунцзы пожал плечами:

— Не выйдет — значит, не судьба. В конце концов, это не мешает тебе выносить ночные горшки и чистить отхожие места, а тем более — пробовать на вкус еду и лекарства.

— Я должен попасть в Управление Императорской Кухни, а для этого обязан освоить нэйгун!

Ли Пинъань уже разузнал все как следует: Управление Императорской Кухни среди двенадцати ведомств считалось заведением среднего достатка, и хотя перед лицом самого императора там появлялись редко, поживиться было чем.

То, что небрежно роняли на Императорской кухне, с лихвой кормило всех прислужников.

Через полгода наступит время распределения должностей. Чтобы попасть в Управление Императорской Кухни, Ли Пинъаню нужно было, как минимум, не уступать остальным евнухам своего набора.

— А ты, малец, оказывается, не лишен самосознания.

Глаза Сяо Жунцзы хитро блеснули, и он добавил:

— Перед тобой два пути: либо постигать все самому, набивая шишки, либо найти себе крестного отца, который наставит на путь истинный.

У Ли Пинъаня сжалось сердце:

— А если я что-то не так пойму или ошибусь в практике?

Сяо Жунцзы зловеще усмехнулся:

— Конечно, истинная Ци пойдет вспять, случится отклонение в практике. В лучшем случае лишишься всех боевых навыков, в худшем — порвешь меридианы и отправишься на тот свет!

Ли Пинъань в ужасе отпрянул:

— От этого можно умереть? Разве Управление евнухов не начнет расследование?

— Расследование чего? — Сяо Жунцзы презрительно скривился. — Кому есть дело до такой мелкой сошки, как ты? Кто будет разбираться? В конце концов, купят новых — на улице полно беженцев и бедняков, которых можно выменять на горсть паровых лепешек!

Ли Пинъань промолчал, не зная, что ответить, ведь слова Сяо Жунцзы были горькой правдой.

В этом году во время засухи в уезде Ваннянь, не говоря уже о лепешках из белой муки, даже за простой коржик из грубой муки можно было забрать человека домой — хоть в качестве названной невесты, хоть игрушки, слуги или скотины.

Ли Пинъань долго молчал, а затем спросил:

— А евнух Жун не боится ошибиться в практике?

— Мы с тобой — люди разные, — Сяо Жунцзы задрал подбородок и гордо произнес: — Я в четыре года знал тысячу иероглифов, в шесть читал наизусть стихи эпохи Тан, в восемь досконально изучил Четверокнижие и Пятикнижие, а в десять в совершенстве овладел поэзией и прозой...

Ли Пинъань подхватил:

— А в тринадцать пошел во дворец кастрироваться!

— ...

Лицо Сяо Жунцзы застыло, он слегка разозлился:

— Чудесные меридианы и восемь сосудов, все точки на теле — я знаю их наизусть, как я могу ошибиться!

Глаза Ли Пинъаня загорелись:

— Может, евнух Жун даст мне пару советов?

— Ты наговорил мне кучу лести, которая ничего не стоит, а я научил тебя грамоте — это можно считать равноценным обменом, — холодно отрезал Сяо Жунцзы. — Что же касается наставлений в боевых искусствах, то это уже оказанная услуга, сможешь ли ты ее оплатить? Не можешь — так и не проси, чтобы не портить отношения, хотя отношений у нас с тобой и так никаких нет.

Ли Пинъань помрачнел. Он ведь подумывал обратиться за помощью к Сяо Чжунцзы, но теперь понял, что это были пустые мечты.

Пока не придумаешь, как отплатить за услугу, лучше и рта не открывать!

Сяо Жунцзы, видя, как Ли Пинъань приуныл, остался доволен собой: он легко взял верх, а этот деревенщина еще пытался играть в игры с поиском покровителей.

Евнухи — народ мелочный: если есть обида, ее нужно вернуть сразу, не откладывая на завтра.

Сяо Жунцзы сказал:

— Сяо Аньцзы, не унывай. На самом деле, есть у тебя короткий путь к изучению нэйгуна, если только готов потерпеть тяготы!

Ли Пинъань поспешно попросил:

— Я не боюсь трудностей, прошу, евнух Жун, наставьте меня.

Сяо Жунцзы огляделся по сторонам и понизил голос:

— Я слышал, что евнух Чжоу взял немало крестников, и все они, как и ты, с правильными чертами лица и крепким телосложением.

Ли Пинъань из-за постоянного недоедания был желтолицым и худым, но от природы обладал высоким ростом и широкими плечами. Если его немного подкормить, он быстро станет мощным и статным.

— Правда?

— Истинная правда!

Сердце Ли Пинъаня забилося сильнее. Если удастся стать крестником евнуха Чжоу, то не только вопрос с тренировками решится, но и попадание в Управление Императорской Кухни станет делом пустяковым.

Как говорил Сяо Чжунцзы, евнух с покровителем и евнух без него — это две разные жизни. Первые ходят гоголем, получают лучшие должности и быстро идут вверх, а вторые вечно жмутся по углам, выполняя самую грязную и тяжелую работу.

Завтра надо будет подлизаться к Сяо Гуйцзы, польстить ему — глядишь, станем названными братьями...

Ли Пинъань обдумывал планы по обретению «отца», продолжая при этом старательно выводить иероглифы. Лишь к полудню он закончил переписывать Канон Лотоса.

Почерк вышел неровным, буквы — то большие, то маленькие.

Сяо Жунцзы насмешливо заметил, что если рассыпать на бумаге зерно, то куры выклюют иероглифы куда красивее.

После обеда начались уроки правил поведения.

Вчера учили, как стоять на посту, а сегодня — как падать ниц и бить поклоны.

Евнух Сюй лично показывал: свел ноги вместе, согнул колени и выпрямился, а затем начал наклонять верхнюю часть тела, пока лоб не коснулся пола.

Бам!

Раздался отчетливый звук удара о землю. Когда евнух Сюй поднял голову, на лбу у него уже алел след.

— Смотрите внимательно и учитесь, ни на йоту нельзя ошибиться. Нужно не просто освоить, а довести до совершенства. Когда-нибудь, если совершите ошибку, умение правильно бить поклоны может спасти вам жизнь!

Евнух Сюй, не вытирая пыль с коленей и лба, уселся обратно в кресло.

То, что было на нем, — не грязь, а следы почтения, смирения и искренности.

Ни при ком нельзя было стирать эти отметины. Если недоброжелатели разнесут слух, что ты невоспитан или не соблюдаешь приличия, то потом и поплакать будет негде.

Ли Пинъань попытался повторить движения евнуха Сюя, но при попытке опуститься на колени ноги не желали плотно прижиматься друг к другу и сами собой разъезжались.

Хлоп!

Соевый боб угодил Ли Пинъаню в голень, оставив сине-багровый след.

Ли Пинъань стиснул зубы, встал и снова опустился, но ноги опять не коснулись пола одновременно — и в него полетел еще один боб.

Евнух Сюй не придирался именно к Ли Пинъаню — он наказывал всех, кто принимал неправильную позу или кланялся без должного усердия.

Бобы летели из его рук, словно дождь. Десятки, сотни штук — и ни малейшего ослабления силы, ни малейшего уменьшения количества.

Такое мастерство владения скрытым оружием в мире боевых искусств считалось бы вершиной совершенства!

Евнух Сюй произнес:

— Поклоны — это наше главное умение, чтобы выжить и устроиться в жизни. Всю жизнь этим будете кормиться. Сейчас не научитесь как следует, потом еще наплачетесь!

Услышав это, маленькие евнухи стали стараться еще больше.

Они не понимали, что такое промывание мозгов или психологический контроль. Несмотря на то, что евнух Сюй жестоко их избивал, они не только не питали к нему ненависти, но, наоборот, считали великим благодетелем.

Ли Пинъань был таким же. Превозмогая онемение в коленях и боль во лбу, он раз за разом повторял движения.

Кожа на коленях стерлась, на лбу выступила кровь, но он этого почти не чувствовал.

Лицо его стало бесстрастным и застывшим, глаза — пустыми и тусклыми. Он напоминал марионетку на ниточках, зато поклоны становились все более четкими и правильными.

Целый час они кланялись, пока евнух Сюй не скомандовал остановиться. Однако отдыхать он им не позволил, велел стоять в позе смирения: опустив голову и прижав грудь.

Стоило кому-то пошатнуться, как в него тут же летел соевый боб.

У Ли Пинъаня была разбита голова, и, пока он стоял, кровь змейкой стекала по щеке,

превращая его лицо в жуткое зрелище.

Евнух Сюй не позволял вытирать кровь, говоря, что чем жалостливее ты выглядишь, тем скорее вызовешь у знатных особ сочувствие, и тем легче им будет выпустить на тебе гнев.

— В решающий момент капля жалости от благородного господина — это наш единственный залог выживания!

<http://bllate.org/book/18511/1779133>